

Министерство образования и науки Российской Федерации
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал ННГУ
Фонд «Русский мир»

ЕДИНАЯ РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕЁ ИДЕНТИЧНОСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

25-27 октября 2017 г.

Арзамас
Саров
Интерконтакт
2017

УДК 138.2 (063)
ББК 87.6я431
Е 33

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Н.А. Хренов*;
кафедра философии культуры и культурологии философского факультета
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *Е.В. Валеева* (научный редактор),
кандидат педагогических наук, доцент *С.В. Напалков* (ответственный редактор)

Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности:
Е 33 сборник статей участников Всероссийской научно-практической
конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева,
С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ;
Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – 394 с.
ISBN 978-5-6040145-1-6

В сборник включены материалы научных докладов, представленных на Всероссийской научно-практической конференции «Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности». Актуальность темы определяется противоположными тенденциями в отношениях между народами России: с одной стороны, – это стремление к единению, с другой – сохранение политической автономии и социокультурной самобытности. На каждом историческом этапе устанавливается своя динамика центроостремительных векторов в бытии многонациональной России. Стоящая перед современным многоэтничным российским обществом задача заключается в том, чтобы выработать стратегию создания единой российской нации при сохранении идентичности всех населяющих РФ народов, исходящую из многовековых традиций общежития этносов Древней Руси, России, СССР и Российской Федерации и отвечать на вызовы эпохи постмодерна.

Сборник будет интересен философам, политикам, социологам, историкам, культурологам, филологам и педагогам, то есть всем, кто хочет обсудить проблемы и трудности реализации стратегии единения народов России и способы их решения и преодоления.

УДК 138.2 (063)
ББК 87.6я431

Издание сборника статей участников Всероссийской научно-практической конференции «Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности» организовано при финансовой поддержке фонда «Русский мир» (договор гранта № 1826Гр/II-177-17).

ISBN 978-5-6040145-1-6

© ООО «Интерконтакт», оформление, 2017
© Арзамасский филиал ННГУ, 2017
© Валеева Е.В., Напалков С.В.,
редактирование, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ: МИРОВОЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

		7
<i>А.И. Субетто</i>	Российская цивилизация: стратегия прорыва	7
<i>В.А. Кутырев</i>	Как нам (не) глобализовать Россию	12
<i>А.М. Пицик, С.А. Добротин</i>	Единство России: вызовы и угрозы	15
<i>А.П. Мальцева</i>	Этносы и народности в эпоху глобализации: смена способов идентификации или конец идентичности?	19
<i>А.Г. Киселёв, С.А. Шилина</i>	Социальный ракурс сохранения самобытности языка и культуры переселенцев	23
<i>Ю.А. Головин</i>	Глобальный мир и тотальная несвобода	28
<i>Е.В. Листвина</i>	Гражданская идентичность как ресурс консолидации современного российского общества	32
<i>М.А. Мануильский</i>	Идентичность в структуре самосознания	35
<i>Е.П. Савруцкая, Д.В. Семенов</i>	Культурные коды конструирования новой культурно-коммуникативной реальности	38
<i>И.Г. Селезнева, А.С. Сухова</i>	Этнополитические процессы – современные тенденции	42
<i>В.В. Пузанов</i>	Ордынское иго и исторические судьбы Руси	45
<i>Т.В. Гимон</i>	К вопросу о статусе финноязычных «племен» в составе новгородской политики (XII – первая половина XIV в.)	51
<i>В.В. Долгов</i>	«Древнерусское наследие» в российско-украинском противостоянии	57
<i>А.А. Кузнецов</i>	Черемись-мещера Нижнего Поочья	61
<i>Н.А. Хренов</i>	Эпохи смуты в российской истории и их роль в трансформации коллективной идентичности: русская революция 1917 года и ее психологические последствия	66
<i>В.Е. Поляков</i>	Перспективы сохранения идентичности малочисленных этносов на примере крымских каримов и татар	75
<i>А.Л. Мусихин</i>	Формирование этнокультурной идентичности населения вятского края во II тысячелетии н. э.	78
<i>Г.Ф. Ковалев</i>	Как дилетанты и фальсификаторы искажают историю Руси и России	81
<i>Б.А. Никитина</i>	Вхождение мигрантов в современное российское общество: от адаптации к инклюзии и интеграции	86
<i>П.Б. Чуприков</i>	Источники и перспективы разрешения межправославных противоречий на примере территории Абхазии	91
<i>Н.А. Крупнова</i>	Роль русских немцев в становлении русской нации: от истоков до современности	96
<i>Н.М. Морозова</i>	Сильные и слабые позиции диаспорно-земляческих сообществ в нижегородском регионе в контексте идентификационных стратегий	99
<i>А.В. Аникина</i>	Будущее протестантизма глазами нижегородских пятидесятников	102

РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, СОДЕЙСТВУЮЩИЕ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ЕДИНЕНИЮ НАРОДОВ РОССИИ

<i>А.А. Владимиров</i>	Этнос – нация – народ – человечество	105
------------------------	--------------------------------------	-----

<i>А.М. Пищик</i>	Стратегия единения народов России: методология проектирования	109
<i>П.Н. Киричѣк</i>	Вирусы либерального праксиса и мутации российской идентичности	115
<i>Л.А. Зеленев</i>	Русский менталитет – этническая основа идентичности	121
<i>Д.Г. Горин</i>	Противоречия и перспективы развития национального самосознания в России: от идеократических моделей к гражданской нации	125
<i>А.С. Тимощук</i>	Парадигмы развития российской нации	128
<i>С.В. Норенков</i>	Архитектоника формирования синархии духа человека российского суперэтноса	131
<i>И.И. Сулима</i>	Герменевтическая методология решения проблем межкультурного взаимодействия	138
<i>Ю.К. Волков</i>	Социальное и национальное: марксистский и неомарксистский взгляд на проблему соотношения наций, этносов и классов	144
<i>О.В. Парилов</i>	О национальной и религиозной толерантности	149
<i>Г.П. Корнев</i>	Национализм в контексте этничности и национальной идентичности	153
<i>Н.А. Кулагина</i>	Конструктивизм о дискурсивной природе национализма	158
<i>А.В. Шандра</i>	Особенности развития панисламизма в условиях процесса глобализации	163
<i>Н.Г. Баранец, А.Б. Верѣвкин И.И. Веревичев</i>	Восприятие национальной идеи Концепция всеединства как общенациональная идея российского государства	166 168
<i>Г.С. Широкалова</i>	Фудшеринг как показатель победы либеральной парадигмы	170
<i>О.А. Верецагин</i>	Этнологический дискурс и его современные теоретические реконструкции	176
<i>Т.И. Коптелова</i>	Проблема национальной идентичности в парадигме органической философии	180
<i>А.Э. Гарвардт</i>	Методологические проблемы этносоциальных исследований	183
<i>Т.И. Глухова</i>	Инокультурный габитус в формировании российской нации	186
<i>Т. А. Криворотова</i>	Феномен этнокультурного развития: от рефлексии дефиниций к анализу пространственных форм	191

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

<i>А.В. Агошков</i>	Государственная языковая политика в России и Франции: правовые аспекты (сравнительный анализ)	196
<i>В.В. Катермина</i>	Национальный характер и языковая личность: культурные ценности и традиции	202
<i>Е.И. Голованова</i>	Искренность как культурная универсалия в коммуникативном пространстве России	205
<i>Н.Ф. Злобина</i>	Национальное в художественном стиле как специфическая форма межнациональной консолидации	208
<i>И.Г. Минералова</i>	Имя, переименование и фигура умолчания имени в истории русской культуры	212
<i>И.А. Голованов</i>	Константа справедливости как духовный принцип русского народа (на материале фольклорных текстов)	215
<i>Л.А. Климкова</i>	Ключевые идеи эпохи через призму языка (к проблеме национальной идентификации)	219

<i>Н.А. Максимчук</i>	Ономастические маркеры единого культурного пространства в структуре общеобязательного научного знания	225
<i>Д.Ф. Каюмова</i>	Дом как форма национальной идентичности (на материале русского, татарского, турецкого и английского языков)	228
<i>Г.Г. Габдельганеева</i>	Труды по языку и языкознанию в репертуаре казанской книги	236
<i>В.А. Кошелев</i>	«Русское» и «нерусское» в «Евгении Онегине»	240
<i>В.А. Фортунатова</i>	Историческая реконструкция на основе идеологических стереотипов: Малькольм Брэдбери о России	245
<i>Н.М. Фортунатов</i>	Загадки и свойства «Русского европейца» (по роману Ф.М. Достоевского «Подросток»)	250
<i>А.В. Глазков</i>	Русский читатель и новая нарративная реальность	254
<i>О.В. Никифорова</i>	Ценностные доминанты народной культуры (понятие «честь невесты» в нижегородских говорах)	258
<i>Г.В. Матвеева</i>	Учебная книга в репертуаре миссионерских изданий Казани	261
<i>О.В. Шиндина</i>	Русская тема в творчестве Андрея Тарковского	264
<i>Е.В. Астащенко</i>	Национально-романтический стиль прозы Николая Русова	268
<i>А.А. Алексеева</i>	Русский VS. российский (по данным ассоциативного эксперимента)	273
<i>А.Ж.Суюмбаева, М.А.Бухарбаев</i>	Функциональная значимость изданных в Казахстане двух и многоязычных терминологических словарей	277
<i>И.В. Андреева</i>	Бытийность в односоставных предложениях русского языка	280

РАЗДЕЛ 4. ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВНЕДРЕНИЯ, ПРАКТИКОВАНИЯ

<i>А.Л. Панищев</i>	Толерантность в ракурсе соборности русской культуры	284
<i>В.П. Петров</i>	Национальные особенности формирования личности и её профессиональных качеств: сферный подход	288
<i>М.В. Подхомутникова</i>	Культура в процессе всемирной глобализации	294
<i>Е.В. Валеева</i>	Феномен адаптивной идентичности: новые образовательные задачи	297
<i>Н.П. Щукина</i>	Социальная интерпретация конструирования экспертных заключений по программам дополнительного образования религиозных организаций	300
<i>О.Е. Коханая</i>	Театры для детей и молодежи как феномен отечественной культуры	305
<i>А.А. Кудряшова</i>	Изучение культурных универсалий в отечественной классике: подготовка учителя	311
<i>Т.А. Криворотова</i>	Традиционные модели управления этнокультурным развитием регионов в Российской Федерации	314
<i>А.А. Асташова</i>	Гармонизация межнациональных отношений как способ формирования межэтнической толерантности (на примере иностранных военнослужащих ТВВИКУ)	318
<i>В.В. Антоновская</i>	Пропаганда экстремизма в социальных сетях	320
<i>Э.Ф. Алиева, О.Р. Радионова, О.Л. Косибород</i>	Воспитание детей, подростков и молодежи в духе толерантности и приобщения к культурным особенностям разных народов	323
<i>Е.Р. Боровская</i>	Игры и игрушки как средство формирования культурной идентичности	327
<i>Е.А. Глазкова</i>	Роль рекламы в отражении и формировании системы ценностей россиян	330
<i>Е.Н. Тарасова</i>	Формирование национальной идентичности курсанта военного вуза	335

<i>С.В. Миронова, Л.Ю. Нестерова</i>	О русских традициях в математическом образовании	339
<i>С.В. Напалков, А.И. Максимов</i>	Электронные образовательные ресурсы в обеспечении информационной безопасности России	341
<i>Н.Н. Закирова</i>	Русский акцент в Удмуртии: диалог культур в полиэтническом российском пространстве	343
<i>С.В. Михайлова</i>	Национальные и религиозные аспекты формирования культуры здоровья	348

РАЗДЕЛ 5. ПЕРСПЕКТИВЫ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ (ИДЕИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ)

		352
<i>Ван Чжиянь</i>	Коллективизм как социальная форма проявления национальной и государственной идентичности в России и Китае	352
<i>Цуй Цзявэнь</i>	Национальная идентичность в культурно-цивилизационном аспекте	355
<i>М.С. Ломова</i>	Православные христианские ценности как фактор формирования идентичности российской нации: возможности медиадискурса	358
<i>Н.П. Андросенко</i>	Концепция нации в философии младоконсерваторов России	360
<i>А.К. Денисова, Л.С. Корнева К. А. Порхунова</i>	Какой федерализм нужен России?	365
	Молодежная среда как активатор межэтнических контактов: проблемы и перспективы этносоциальной коммуникации	369
<i>А.Н. Гаращенко, М.С. Суханов</i>	Национальный вопрос в политической программе РСДРП(б) до октября 1917 года	372
<i>Н.А. Минеева</i>	Особенности австрийского металитета на фоне диалога двух культур (русской и немецкой)	376
<i>А.С. Сухарев</i>	К вопросу о понимании сущности межэтнического взаимодействия	379
<i>Е.И. Кошкина</i>	Лингвокраеведческий анализ топонимов города Брянска в диахронии и синхронии	382
<i>А. И. Фейзилова</i>	Межнациональные отношения в российской федерации: взгляд изнутри	387
<i>Я.Е. Андреева</i>	Регионоведческий аспект в преподавании русского языка как иностранного	389
<i>М.Э. Сафронов, В.Е. Гусарьков, Е.В. Валеева</i>	Новая образовательная среда как фактор консолидации общества	392

ОРДЫНСКОЕ ИГО И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РУСИ

В.В. Пузанов

Удмуртский государственный университет, Институт истории и социологии, кафедра истории России,
доктор исторических наук, профессор
Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1
Тел.: 89501781216, e-mail: vvpuzanov@gmail.com

*Проанализированы исторические последствия Батыева погрома и ордынского ига для русских земель.
Ключевые слова: Батыево нашествие, Русь, ордынское иго, исторические последствия.*

Вопрос о последствиях для Руси Батыева нашествия и установившегося, по его итогам, ордынского ига, несмотря на огромную историографию, остается открытым. Одной из причин такого положения дел является политизированность темы, что делает ее заложницей текущей политической ситуации. В настоящее время мы являемся очевидцами очередного поворота в изучении проблемы, связанного как с созданием историко-культурного стандарта, так и административным лобированием со стороны руководства Татарстана. Впрочем, дело не только в политической составляющей. В историографии отход от устоявшихся подходов наметился гораздо раньше. Причины здесь самые разные: стремление исследователей к получению нового результата, болезненная реакция на предшествующую марксистскую историографию, влияние политической ситуации... И вот уже нашествие Батыя по своим последствиям не отличается от типичных половецких набегов, а *иго* совсем и *иго*, а *господство* (*владычество*) или, даже, почти равноправный союз Орды и Руси. Вроде бы и нет особой разницы между *игом* и *господством*, кроме эмоционального восприятия. Но только на первый взгляд. На самом деле сущностная разница велика: *иго* – это власть иноземцев, а *господством* можно назвать и правление династии Рюриковичей...

Корректная интерпретация источников не оставляет сомнения в том, что Батыево нашествие делит историю Руси на *до* и *после*. При этом *после* не только кардинальным образом отличалось от *до*, но и определило во многом последующий облик восточнославянской цивилизации.

Древнерусская цивилизация стояла особняком в Средневековой Европе. Стадиально русские земли X – начала XIII в. соответствовали «варварским королевствам» Западной Европы VI–VIII вв., но отличались от них менее жесткой социальной стратификацией и большей демократичностью политической системы. Типологически в X – начале XIII в. Руси наиболее близки современные ей Норвегия и, особенно, Швеция. Но еще ближе, древнерусская цивилизация, городская в своей основе, к цивилизации античной Греции эпохи архаики, на что уже неоднократно обращалось внимание [1; 2]. В частности исследователи отмечали типологическое сходство древнегреческих «полисов» и русских «земель» как разновидностей города-государства. Сходной была и конечная судьба древнегреческих полисов и русских городов-государств: и те, и другие «прекратили свое историческое существование... в силу внешнего воздействия» (имелись и различия [1, с. 334–335; 2, с. 266–267]).

Переломным для древнерусской цивилизации стал XIII век, когда она столкнулась с угрозой и с Запада (крестоносная экспансия) и с Востока (вторжение полчищ Батыя). Но если крестоносцы смогли вытеснить русских из сфер их влияния в Прибалтике, но не смогли продвинуться на собственно русские территории, то «нашествие Батыево ниспровергло Россию» [3, с. 423]. «Древнерусская цивилизация погибла под ударами полчищ Батыя и его продолжателей. По масштабам тех времен это была катастрофа всемирного значения» [4, с. 31]. Более двух третей древнерусских городов были разгромлены завоевателями. «Почти треть из них так и не смогли преодолеть последствия нашествия. Было уничтожено большинство крепостей и волостных центров, множество погостов и феодальных замков. Лишь на 304 (25%) поселениях этого типа жизнь продолжалась в XIV в.» [5, с. 60–61, 104 и др.] (вызывает сомнение интерпретация археологами ряда мелких укрепленных пунктов как феодальных замков).

Массовая гибель постигла и неукрепленные поселения. Например, археологи выявили 135 вятичских селищ, существовавших накануне Батыева нашествия, что в три раза больше, по сравнению с X в. В XIV в. «количество бывших вятичских сел сокращается до 26». Была подорвана «сложившаяся... система земледелия» [5, с. 101]. В московском регионе, «на пути следования монголо-татарских полчищ, а также на левобережье р. Оки, которое было объектом притязания ордынцев постоянно», 44 из 52 селищ (84,6%) прекратили свое существование в XIII в. В целом же в Московской земле в XIV в. жизнь продолжалась на 44,5% селений «возникших в домонгольский период. Это в основном поселения ... на нетранзитных реках» [6, с. 23], т.е. – расположенные в глуши.

Не меняют кардинальным образом восприятия ситуации и имеющиеся в науке предположения о том, что «материальные и природные ресурсы, послужившие основой для стремительного подъема Древней Руси в X–XII вв., к XIII в. оказались во многом исчерпаны, а стереотипы хозяйствования и социальные механизмы, ранее обеспечивавшие рост, потеряли свою эффективность» [7, с. 10]. Кризис, если он имел место в действительности, (по словам П.П. Толочко, «изучая ремесло Киевской Руси, нетрудно придти к выводу, что никакого упадка его во второй половине XII в. не было ни в Киеве, ни в других городах» [8, с. 329]. Об этом же свидетельствуют и факты роста городов и темпов каменного строительства в последнее столетие перед Батыевым нашествием [5, с. 42, 163–166; 9, с. 102–103, 127]), мог замедлить развитие Руси, способствовать ослаблению ее обороноспособности и т.п.,

но не мог, подобно Батыеву нашествию и игу, привести к цивилизационной катастрофе.

Таким образом, Батыев погром нанес сокрушительный удар по производительным силам (анализ динамики каменного строительства в Русских землях в домонгольское и ордынское время показал, что «пятьдесят лет, следовавших после завоевания, выглядят ничем иным, как катастрофой» [9, с. 103-104]) и демографическому потенциалу страны. Повторяющиеся набеги, ордынский «выход» и дань «кровью» не благоприятствовали их восстановлению. Особенно пострадала южная, наиболее урбанизированная и развитая территория Руси (многочисленные города юга страны стали своеобразными ловушками для местного населения, которое спешило укрыться за городскими стенами от опасности. Но если в противостоянии с половцами и в междоусобных войнах города служили надежной защитой, то монголам, в совершенстве овладевшей техникой и приемами взятия городов, они облегчили истребление и захват в плен русского населения. В Северо-Восточной Руси, мало урбанизированной, сохранность населения, попрятавшегося в лесах и оврагах, была существенно выше). Тяжелым ударом для страны явилось пресечение многих традиционных внешнеэкономических и политических связей, нарастание изоляционистских явлений в отношениях с иностранными государствами и между самими русскими землями. Отмеченные обстоятельства изменили постепенно основной вектор социально-экономического, политического и культурного развития Руси. Они же послужили основной причиной разрыва единой исторической судьбы русских земель, способствовали распаду древнерусской народности. Ядром будущей России стала Северо-Восточная Русь, подвергшаяся наиболее сильному ордынскому влиянию.

Уничтожение городов, крепостей и большинства волостных центров не только подорвало всю административно-территориальную систему Руси [5, с. 101]. Оно подорвало саму общественно-политическую структуру, нанесло удар по всей системе социальных связей. Особенно важные последствия имело разрушение вертикали общинных связей, определявших весь строй жизни древнерусских земель. Происходила трансформация общинных структур и на «горизонтальном», низовом уровне.

В домонгольской Руси доминировали большие и неразделенные семьи [10, с. 66], объединявшиеся в первичные общины – «верви» (большесемейные общины). Эта социальная система была во многом деформирована монголо-татарским нашествием. Важную роль здесь сыграли массовая гибель и миграция населения, уходящего в безопасные районы. Изменилась и сеть расселения: «почти полностью преобладала починковая колонизация, для которой характерны малодворные новые поселения 1–3 двора» [1, с. 253]. При этом «деревня застыла в своих размерах», даже при наличии свободных мест. Не только новые поселенцы предпочитали селиться в новых деревнях, но «родственники и даже сыновья» стремились уйти на новые земли [12, с. 30].

Сходные процессы протекали и на территории современной Украины, где «...с VIII в. число крупных селищ увеличивается, а в XIII в. значительные по размерам поселения уступают место трудноуловимым заимкам, починкам, хуторам» [13, с. 182]. Конечно, здесь не только процессы внешние, но и внутренние, связанные с изменением системы социальной организации: распадом больших семей, формированием аллодиальной собственности, усилением фискальной и феодальной эксплуатации населения и т.п. Но ведь и эти социальные процессы тоже в немалой степени были опосредованы «татарским» фактором.

Существенные сдвиги в рассматриваемое время происходят в отношении собственности. В домонгольский период экономическое положение большинства сельских производственных коллективов свободного люда было достаточно устойчивым. Этому способствовало преобладание больших семей, объединявшихся в общины-верви, наличие больших массивов свободных земель – резерва расширения хозяйственной деятельности. Высокий социальный статус и психологическое состояние массы свободного населения были стабильны, что подкреплялось большой ролью земской военной организации (народного ополчения), имевшей реальные рычаги влияния на власть и, фактически, являвшейся высшим носителем власти. Сильные пережитки первобытной коллективной психологии и особые черты ментальности дофеодального общества выработали своеобразный кодекс поведения свободного человека, по которому, в числе прочего, несовместимым со статусом свободного считалось поступление в услужение частным лицам. Поэтому, крупное хозяйство тогда можно было развивать «только трудом несвободных и полусвободных» [14, с. 339].

Военные погромы, массовые миграции и гибель населения, разрыв прежних социальных и экономических связей, тяжелый ордынский выход подорвали экономическую устойчивость свободных хозяйств, привели к появлению значительной прослойки малоимущего люда. Разоренные войной, потерявшие кров, родных и все благосостояние люди бежали вглубь Руси и, зачастую, не могли возобновить производственную деятельность на новом месте без посторонней помощи. Чтобы выжить, они вынуждены были идти в кабалу. Особое место в разорении и закабалении населения занимал ордынский выход. И не только в том плане, что он изнурял финансовый потенциал страны, и без того подорванный, еще более усугубляя экономическую неустойчивость основных масс населения. Неспособность выплатить дань вынуждала несостоятельных плательщиков обращаться к заимодавцам. Таким образом, «монгольское завоевание содействовало дальнейшему ростовщичеству на Руси» [15, с. 160], способствуя, с одной стороны, втягиванию в кабалу широких слоев населения, а с другой – укреплению прослойки ростовщиков наживавшихся на народном горе и, объективно, заинтересованных в сохранении ига. Эти условия создавали благоприятные возможности для вотчинников, посредством различных «льгот» и отсрочек, привлекать к себе крестьян из свободных общин.

Установление ига «сопровождалось введением воинской повинности в пользу захватчиков, которое должны были исполнять князья и все свободные люди», что «обескровливало русских, усугубляя... демографический кризис» [15, с. 160] и также негативно влияло на экономическое состояние страны и населения.

Другим важным следствием отмеченных изменений стало истощение традиционных источников доходов знати, благоденствовавшей прежде за счет перераспределения государственных сборов («кормления» для бояр, десятины для церкви и т.п.) [16, с. 66-69, 73-87]. Сокращение государственных доходов вследствие демографического и экономического кризиса, выплаты дани в орду резко сократило ту часть, которая перераспределялась между светской знатью и духовенством. В попытке хотя бы частично восполнить потери они занялись ростовщичеством, но, самое главное, обратились в массе своей к земле. «К середине XIV в. создание вотчинной системы – свершившийся факт» [17, с. 202].

Появление большой прослойки малоимущего люда на одном общественном полюсе, рост крупного землевладения – на другом, наложились и дали с течением времени эффект феодализма в социально-экономической сфере жизни общества.

Для домонгольской Руси характерно более-менее синхронное развитие социально-экономических, политических и культурных процессов. Дофеодальной ступени развития общества, основанного на общинных связях, соответствовала политическая надстройка в виде города-государства. Ордынское иго привело к деформации этого единства, к более ускоренным темпам политогенеза над социогенезом, политических институтов над социально-экономическими.

Своеобразие Древней Руси заключалось в том, что суверенитет гражданских общин сочетался с суверенитетом Рюриковичей, имевших право на корм в Русской земле. Монголо-татарское нашествие привело к разгрому общин, множество из которых, на всех уровнях, прекратили существование, остальные были надломлены. Образовался вакуум общинной власти, который мог быть заполнен только за счет княжеской власти, выступавшей теперь в качестве единственной традиционной системы политических связей, способной осуществлять как внутренний, так и внешний наряд. А поскольку функции и внутреннего и внешнего управления усложнились (нужно было восстанавливать жизнь и налаживать разорванные общественные связи на пепелище, регулировать отношения с Ордой /организация сбора дани, налаживание системы политических контактов и т.д., которые теперь выступали на первый план и во внутренней и во внешней политике Руси/), это еще более усиливало позиции князя. Особое значение имело то обстоятельство, что князь оказался посредником между народом и ханом. Новое значение князя освящалось властью хана.

Однако князья не просто занимали столы по изволению хана. Княжеская администрация стала частью административного аппарата Орды, обеспечивавшего господство над Русью, посредством которой, «устаи князя», хан осуществлял свою волю, основанную не на русских, а на монголо-татарских воззрениях на характер верховной власти.

Таким образом, разгромленная и деморализованная община оказалась перед лицом возросшей силы князя. «Правящая община» еще агонизировала некоторое время. Но участь ее была предрешена. Социально-политические условия ее воспроизводства оказались подорваны. Никогда еще она так не нуждалась в князе, посреднике между нею и ханом и главным, если не единственным в той ситуации, гарантом ее выживания перед лицом постоянной внешней угрозы. Община выходит на новый этап существования. Из *правящей* превращается в *самоуправляющуюся*: ее prerogatives постепенно сокращаются и со временем она становится продолжением княжеских фискальных институтов.

Потери князей тоже были высоки. Однако они не могли подорвать сам институт княжеской власти, имеющей личный характер. Те же немногие уцелевшие жители разоренных городов (в Киеве, например, в 1245 г. насчитывалось около 200 дворов [18, с. 51]), вряд ли могли возродить прежнюю суверенную общину. Кроме того, восстановление городов сопровождалось обновлением населения. Для сложения полнокровной гражданской общины с ее иерархией нужны время и условия. Ни того, ни другого не было. Поэтому трудно согласиться с мнением, что «вече продолжает работать, так сказать, в заданном прежде и присущем ему режиме» [19, с.43]. Вече уже было другим, не правящим, а сопротивляющимся, не органом власти, а чрезвычайным средством выражения недовольства населения (сродни бунту). «Ликвидацию общинно-вечевых институтов, противостоящих монархическим тенденциям московских правителей, завершил Дмитрий Иванович Донской» [4, с. 32-37] (и в Галицко-Волынской Руси во второй половине XIII в. «княжеская власть... упрочила свое положение, поставив под жесткий контроль деятельность и боярства, и городских центров. Немаловажную (а может быть, и главную) роль» в этом сыграло появление татар [20, с. 33]).

Поскольку русское общество существенно отличалось по этнокультурным и социально-политическим параметрам от монгольского и ордынского, полное перенесение порядков завоевателей на русскую почву было невозможно. Однако частичное перенесение не вызывает сомнений. Поэтому оформившееся со временем самодержавие явилось следствием как внутренних процессов развития феодализма, так и, в еще большей степени, внешних факторов. В период наивысшей зависимости от Орды князь начал укреплять свои позиции как орудие ханской власти. С началом освободительной борьбы против ига, в противостоянии с другими внешними врагами, великие князья сконцентрировали в своих руках ресурсы, обеспечившие стране независимость, а их потомкам достижение самодержавной власти.

Превращение князя и его администрации в администрацию хана привело и к другим важным последствиям. Во-первых, изменились отношения князя и его «слуг» к основной массе населения. И раньше близость к князю способствовала повышению социального статуса. Теперь же она давала еще и рычаги для организации новой системы властвования над остальной массой свободного люда, приобретающей характер господства-подчинения. На основе же этого процесса возникает и крупное феодальное землевладение [17, с. 197–198].

Аналогичные явления, с той или иной степенью зрелости, видимо, характерны и для остальной Руси (например, на Волыни уже с 60-х гг. XIII в. «бояре воспринимаются как некая социальная группа, отличная от простолюдинов» [20, с. 32]. Сходные процессы протекали и в Новгороде [см.: 21, с. 114-116]).

Во-вторых, указанные изменения в социально-политической сфере привели к трансформации государственного устройства. На смену городам-государствам, основанным на общинной системе организации, пришли «уделы» – княжества, основанные на сеньориально-вассальной и служебной системе. Это изменило и отношение князя к «земле», и характер междоусобий. Князь оставался на своем отчинном столе, даже получая ярлык на великое княжение Владимирское. По его смерти княжество, по вотчинному праву, делилось между наследниками. Межкняжеская борьба теперь, в материальном выражении, не ограничивалась занятием более выгодного стола, как прежде, а велась, в первую очередь, за новые территории и другие ресурсы усиления собственного удела, в том числе за политические и материальные привилегии, которыми обладал носитель великокняжеского звания. Следствием этого, с одной стороны, было то, что на смену полицентризму домонгольской эпохи, определяемому системой независимых и полунезависимых городов-государств, пришла феодальная политическая раздробленность удельного времени. С другой стороны – появляется социально-политическая и материальная база для поглощения одного княжества другим, создававшая условия для будущего политического объединения. Последнее было ускорено внешнеполитическим фактором (необходимостью единения сил для свержения ордынского ига – прежде всего), тогда как социально-экономический базис для политического единства сформировался, по-видимому, не ранее XVII в. (главнейшую роль здесь играли, видимо, процессы формирования общероссийского рынка).

Таким образом, единое Русское государство конца XV – первой половины XVI в., и Русское централизованное государство второй половины XVI–XVII вв. – следствие опережающего процесса политогенеза над социально-экономической трансформацией общества. В результате этого незрелые социальные структуры стали подавляться более развитыми политическими, общество – государством.

В условиях феодализации и ордынского ига трансформируется и природа русского города – основы древнерусской цивилизации. Зримое различие между «домонгольским» и «удельным» городом не могло остаться незамеченным в науке, и уже В.О. Ключевский последовательно противопоставлял *Русь Днепровскую, городовую, торговую* – *Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой*, аграрной в своей основе [22, с. 33, 308–309]. Конечно, основу экономики и Киевской Руси составляло сельское хозяйство, а не торговля (в этом великий историк ошибался). Но в чем прав В.О. Ключевский, так это в трактовке изменения роли города и князя в удельный период (XIII–XV вв.) русской истории, в том, что происходит процесс аграризации общества.

Поражение от татар и покорность им имели (помимо отмеченных социально-экономических, - политических и культурных) не менее важные мировоззренческие, социально- и этно-психологические последствия.

Для древнерусского менталитета характерно было смешение языческого и христианского начал, с несомненным преобладанием первого, особенно в сельской местности. С точки зрения язычника, постигшие бедствия означали потерю удачи, счастья, покровительства внешних сил. Сама уплата дани не могла не восприниматься как «позор и бесчестье» (согласно традиционным представлениям, «платить дань... есть позор и бесчестье, а получать ее – честь и слава». В свою очередь, «честь и слава, по понятиям древних людей, означали благоволение богов» [23, с. 502]). Ходя под игом русские, с этих позиций, и людьми то не были. Они были «рабами татар» не только в «этой», но и в загробной жизни. А поскольку перспектива освобождения вплоть до Куликовской битвы представлялась призрачной, это требовало, помимо прочего, психологического приспособления к обстоятельствам. И здесь панацеей выступало христианство с его принципами покорности судьбе и власти, какой бы та ни была, «зане власть от Бога есть». Христианское сознание восприняло происходящее как божью кару за грехи, в первую очередь за то, что «не обратихомся к Господу...» [24, с. 376-378]. Богу сопротивляться невозможно, а, следовательно, и татарам тоже. Выход один – обратиться к Господу, а он воздаст, если не в «этой» жизни, так в «вечной». Это наполняло безрадостное существование смыслом, и помогало выжить. Не случайно окончательное утверждение христианства в массах населения приходится на монгольскую эпоху. Известный вывод Б.А. Рыбакова: «Русская деревня стала христианизироваться только после татарского нашествия» [25, с. 31] – нашел полное подтверждение в последующих изысканиях археологов [26; 28]. В XIV в. появляется и сам термин «крестьяне», как отражение и социальных, и идеологических процессов.

В ходе противостояния с захватчиками происходил естественный отбор, также влиявший на формирование новой ментальности. Наиболее свободолюбивые элементы, неконформисты, погибали в борьбе в первую очередь. Основная масса оставшихся в живых была деморализована: «Приходилось дрожать за жалкую жизнь... сживаться с новыми условиями» [28, с. 177]. На такой социальной базе и в такой психологической атмосфере получившие отблеск ханской власти князья начали кропотливую работу по возведению здания единодержавия. Но и они стали другими. Превратившись в рабов хана, испытывая унижения в Орде от татар, «какого бы то низкого звания» те ни были, вынужденные «сидеть сзади зада их» [18, с. 40-41] – по свидетельству очевидца, могли ли князья не изменить своего отношения к подданным?

Это дало свои и положительные плоды. Умиротворение Орды со стороны Ивана Калиты и его преемников позволило «народиться и вырасти» целым двум поколениям, «к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринцом: они и вышли на Куликово поле» [29, с. 21]. Но

победители Мамае уже заметно продвинулись по пути превращения в тот тип человека, который Е.В. Пчелов охарактеризовал как «подданного русского царства, во многом несвободного и скованного в развитии духовном и интеллектуальном» [30, с. 229].

Было бы неверным преувеличивать «градус несвободы» и деспотические порядки в Московской Руси. Правильнее вести речь не столько о результатах, сколько о заданной тенденции, которой противостояло достаточно еще сильное земское начало. Исход борьбы, в конечном счете, зависел не только от соотношения сил «демократического» и «деспотического» начал, но и от стечения исторических обстоятельств, определяемых как объективными, так и субъективными факторами.

Запаздывание, по сравнению с развитыми западноевропейскими странами процессов феодализации на Руси, невыраженность их основных черт еще не означали ни заданности на экономическую и социально-политическую отсталость страны в будущем, ни того, что русская модель феодализма неизбежно должна была принять ту неприглядную форму, которая сложилась в XVIII в. Более того, неразвитость феодальных отношений, отсутствие жесткого сословного деления общества, значительный удельный вес свободного крестьянского землевладения с основными чертами отчуждаемой собственности, активизация торговли, экономический подъем второй половины XV – середины XVI в., при благоприятных условиях могли способствовать более быстрому и безболезненному переходу к буржуазным отношениям, чем в странах с ярко выраженной и устоявшейся феодальной организацией. Не случайно капиталистические отношения побеждают сначала не в экономически развитых и корпоративно-оформленных странах, а в Англии и Голландии, где корпоративность развита меньше. Ведь основным критерием капитализации (равно как феодализации и иной «зации») является не уровень развития производительных сил (важность которого не приходится оспаривать), а природа социальных связей которая, в конечном счете, и определяет эффективность экономической модели.

Однако в России обстоятельства распорядились иначе. Экономический кризис 1560-х гг., вылившийся с 1570-х гг. в «великое разорение» (причины: войны, опричнина, «мор», похолодание в Европе, особенно отразившееся на России с ее суровым континентальным климатом и т.д.) привел к разорению населения, «обезлюднению» целых районов страны, усилению совокупной эксплуатации податного люда и прикреплению его к тяглу. Как следствие – обострение социального и политического кризиса, свергнувших страну в разрушительную гражданскую войну начала XVII в. Последствиями Смуты и закрепощения явилось увеличение отставания России от развитых европейских стран. Особенно опасной являлась военная отсталость, грозившая потерей национальной независимости. На этот исторический вызов был дан ответ реформами Петра I, которые выполнили свою задачу на текущий момент, но привели к тотальной феодализации и закрепощению страны. В результате Россия в первой четверти XVIII в. оказалась дальше от капитализма, чем в XVI в.

В развитии России, помимо прочих, важную роль играл внешний фактор. В силу геополитических и исторических условий стране пришлось принять «вызов» и Востока, и Запада. Россия смогла ответить на него, но дорогой ценой. В первом случае (становление Московской Руси) русский народ заплатил частичной политической свободой, во втором (петровские реформы) – полной политической и личной свободой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / под ред. Г.Л.Курбатова, Э.Д.Фролова, И.Я.Фроянова. – Л., 1986. – 336 с.
2. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1989. – 269 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1830. Т. 5. – 560 с.
4. Фроянов И.Я. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. – СПб., 1995. – С. 20–46.
5. Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. – М., 1985. – 221 с.
6. Юшко А.А. Московская земля IX–XIV вв. – М., 1991. – 200 с.
7. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М., 2003. – С. 5–11.
8. Давня історія України: В 3 т. Т. 3. Слов'яно-Руська доба / відп. ред. П.П. Толочко. – Київ, 2000. – 345 с.
9. Миллер Д.Б. Монументальное строительство как показатель тенденций экономического развития Северной Руси в поздний Киевский и монгольский периоды (1138–1462 гг.) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / сост. Дж. Маджеска; пер. с англ. З.Н. Исидоровой. – Самара, 2001. – С. 98–102.
10. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. – СПб., 1999. – 372 с.
11. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. – М., 1986. – 695 с.
12. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
13. Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). – Київ, 2003.
14. Грушевський М.С. Історія України-Руси. – Київ, 1993. Т. 3.
15. Хорошкевич А.Л. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм): Тез. докл. и сообщ. – М., 1988. Ч. 1. – С. 152–163.

16. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. —Л., 1974. — 256 с.
17. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. — М., 1994.- 318 с.
18. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрука. Книга Марко Поло. — М., 1997.- 460 с.
19. Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). — СПб., 1995.- 131 с.
20. Пашин С.С. Червонорусские акты XIV–XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. — Тюмень, 1996. — 118 с.
21. Петров А.В. Вечевой Новгород // История России: народ и власть. — СПб., 1997. — С. 95–132.
22. Ключевский В.О. Соч. — М., 1956. Т. 1.- 425 с.
23. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. — СПб., 1996.- 512 с.
24. Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 200. Т. 5. — С. 370–385.
25. Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. — М., 1970. - С. 23–33.
26. Рябинин Е.А. От язычества к двоеверию (По археологическим материалам Северной Руси) // Православие в Древней Руси. — Л., 1989. — С. 20–31
27. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Религиозное «двоеверие» на Руси в XI–XIII вв. (По материалам городищ–святилищ) // Культура славян и Русь. — М., 1998. — С. 144–163.
28. Костомаров Н.И. Начало единодержавия на Руси // Вестник Европы. — 1870. Т. 6, кн. 11. — С. 176–238.
29. Ключевский В.О. Соч. — М., 1957. Т. 2.- 495 с.
30. Пчелов Е.В. К проблеме периодизации феодального общества средневековой Руси // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1996. Ч. 1. — С. 226–233.

THE GOLDEN HORDE YOKE AND HISTORICAL DESTINIES OF RUS'

V.V. Puzanov

The article is devoted to analysis of the historical consequences of the invasion of Batu and the Golden Horde yoke for the Russian land.

Keywords: invasion of Batu, Rus', the Golden Horde yoke, historical consequences.